

«ТЕАТР — РАБОТА ЧЕСТНАЯ»

Олег Табаков

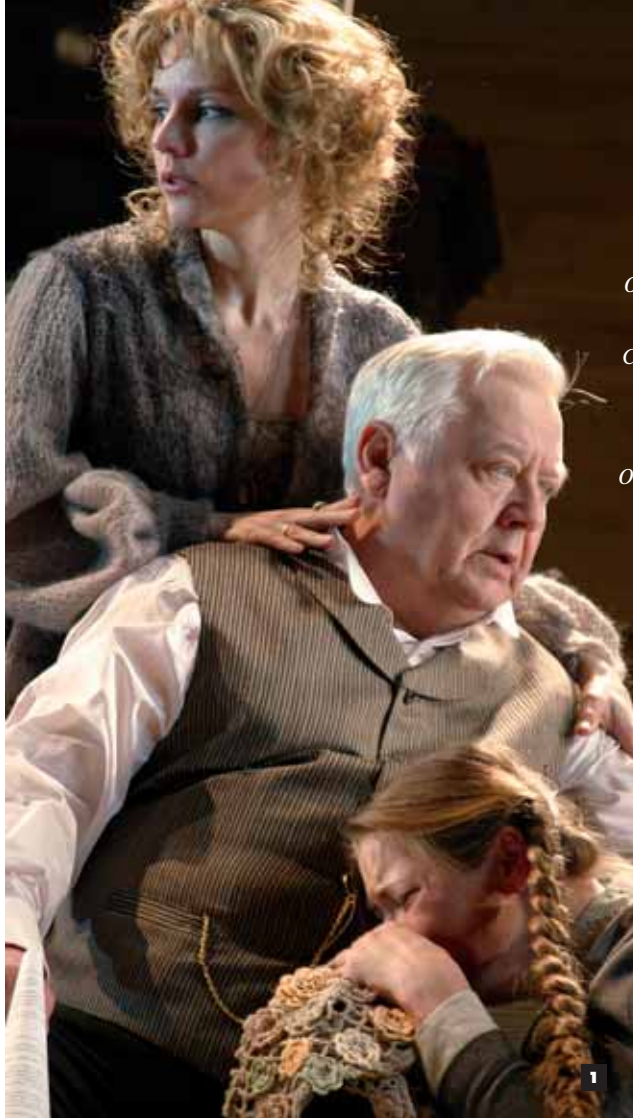
17 августа любимому актеру всех поколений Олегу Табакову исполнится семьдесят пять! В это невозможно поверить! Он молод, деятелен и не потерял способности радоваться, удивляться, ошибаться, разочаровываться и снова влюбляться в саму жизнь и в людей. А еще он успевает столько, сколько нормальному человеку успеть нельзя. И все это — или почти все — он делает увлеченно и от души. Наверное, потому он до сих пор вызывает огромный интерес и любовь публики не как легенда, а как что-то живое и всегда новое.

Мы разговари-
ваем с Олегом
Павловичем
в его кабинете
в МХТ. Только
что закончилась репетиция спек-
такля «Уход» по пьесе Вацлава
Гавела, где у него главная роль
отставного политика. Он, как
всегда, бодр, энергичен, даже
напевает. В приемной успевает
ознакомиться с почтой, частич-
но — с прессой, узнать неотлож-
ные новости у помощника. Дает
быстрые распоряжения. Часто
звонят телефоны, рабочий и мо-
бильный; после многих разго-
воров Олег Павлович зовет се-

кретаря и дает поручения. Пару
раз входят со срочными бумага-
ми. Он что-то внимательно чита-
ет, подписывает, уточняет. И что
поразительно: прервавшись, про-
должает говорить ровно с того
места, на котором остановился.
**Олег Павлович, как вы себя ощуща-
ете накануне юбилея?**

Да что там юбилей, не юбилей...
Когда меня спрашивают: «На
сколько лет вы себя чувствуете?»
— отвечаю: «Нормально се-
бя чувствую пока». Скажу без лож-
ной скромности (*смеется*): в мои
семьдесят четыре года я не исчер-
пал интереса к жизни. Если это
есть, обостряется восприятие

1. «Дядя Ваня»
(Театр под рук.
О. Табакова),
Серебряков —
О. Табаков, Елена
Андреевна —
М. Зудина,
Соня — И. Пегова.
2. МХТ,
репетиция
«Последней
жертвы»,
О. Табаков — Флор
Федулыч.
3. «Сублимация
любви» (Театр
под рук.
О. Табакова),
депутат —
О. Табаков,
Паола —
М. Зудина

очень простых вещей. А вообще, самое удивительное, что я узнал в своем возрасте, хотя знал это и раньше, — это логика действий Владимира Ивановича Немировича-Данченко: «На нас жизнь не кончается». Это я могу произнести достаточно уверенно, потому что, думая о своих учениках, твердо понимаю, что русская театральная школа будет существовать и дальше. Надеюсь, что в этом году наконец-то откроется театральный колледж для одаренных российских детей. Он, наверное, и будет реализацией мечты

«Аншлаг должен быть. Театр, не поддерживаемый зрителем, — это ханжество. Не надо делать вид, что ты не от мира сего»

Немировича: школа — студия — театр. Это, по сути дела, в нашем театральном цеху первый пример ранней профориентации. Но ведь есть аналогичные заведения: Училище Большого театра, ЦМШ. В конечном итоге ничего оригинального нет. Существовало императорское Тенешевское училище, куда брали фигурантов вообще в возрасте восьми-девяти лет, и девица Ермолова дебютировала в шестнадцать, певица Яблочкина — в пятнадцать. Сейчас это вроде бы какие-то сказки. Однако ж это было. Актерский труд — из тех занятий, когда ранняя профориентация дает человеку большой ресурс. Женька Миронов в девятнадцать лет начал играть главные роли. Это не прошло бесследно. И для Сережи Безрукова тоже. И для Даши Мороз. Так что это делается для того, чтобы по возможности приблизить возраст исполнителей к биологическим возрастам действующих лиц. Кроме этого для меня было очень важно отсечь все, что является коммерциализацией образования детей и молодежи и создать равные условия и для мальчика из Владивостока, и для девочки из Калининграда. Мы едем туда, а потом за свой счет привозим их сюда. Сто двадцать человек из расчета пять человек на место. В общем это серьезно.

Как вы собираетесь отметить юбилей?

Страна будет отмечать этот праздник. И я буду колебаться с генеральной линией партии (смеется).

Вы работаете над спектаклем под названием «Уход». Вы совсем не суеверны?

То есть собираюсь ли я покинуть МХТ? Нет, нет, мне сделано официальное предложение министром культуры Александром Алексеевичем Авдеевым продлить мой контракт. Ну, а как это сложится... Я не кокетничаю. Хочу попробовать встретиться с нашим премьер-министром и поговорить с ним о будущем МХТ. Почему я рассчитываю на помощь Владимира Владимировича Путина? Потому что один раз он уже

взял и помог. И сегодня сцена Московского художественного театра — единственная в городе, оснащенная современными технологиями. Одна из проблем, в связи с которой я собираюсь просить участия, — то, что Художественному театру необходимо второе здание, филиал. Исторически у МХАТа пятьдесят четыре года был филиал. Я хотел бы укрепить экономическое положение театра в связи с желанием власти освободиться от излишних расходов на театр, вообще на культуру. Я полагаю, что у Художественного театра (исхожу из тех же самых дней предварительной продажи) есть силы и репертуар, чтобы играть в двух зданиях. И главное, для чего это делается, — поставить в два раза быстрее на крыло молодое поколение. Я очень трезво смотрю на жизнь и думаю, что если я этого не сделаю, то уже не сделает никто.

Олег Павлович, несмотря на то что вы уже десять лет находитесь в ранге художественного руководителя МХТ, душой вы все равно больше в «подвале»?

Ну, а как иначе?! Здесь же мои дети. А там, хочу я этого или не хочу, как я с самого начала для себя нашел рабочую кличку «кризисный менеджер», «генерал из ведомства Сергея Кужугетовича Шойгу», так им и остаюсь.

В МХТ вы закрыли не один спектакль, а при этом вас часто позиционируют чуть ли не апологетом аншлага любой ценой, хотя он должен быть у хорошего спектакля или фильма...

Да, я закрыл в МХТ столько же спектаклей, сколько закрыла советская власть. Это важно. Причем даже те, что собирали, привлекали... Но, безусловно, аншлаг должен быть; театр, не поддержанный зрителем, — это ханжество. Если перечитать переписку Владимира Ивановича Немировича-Данченко и Константина Сергеевича Станиславского, то среди вопросов, занимавших их, очень часто фигурирует такой: «А вот у нашего летнего спектакля будет ли успех?» Видимо, в такой позиции была некоторая правота руководства Художественного театра

(улыбается). А если мы вспомним, то только ленивый не пинал ногами «Тринадцатый номер» («№ 13»). Но прошло восемь с половиной лет, и те, кто пинал, постепенно на сто семьдесят градусов изменили оценку. **Как вы реагируете на театральную критику?**

Я очень независимо живу от театральной критики. У меня два дня в месяц праздник, именины сердца, когда в МХТ и в «подвале» идут предварительные продажи. Я приезжаю в театр довольно рано и, когда в МХТ вижу очередь человек в пятьсот, думаю: «А где еще в Москве златоглавой может быть такое — иногда при температуре минус пятнадцать или восемнадцать?» И это же не потому, что театральная критика призвала или это каким-то необыкновенным образом внедряется рекламой в сознание потребителя.

А что вы испытываете, когда критика направлена лично в ваш адрес как актера или режиссера, если такое бывало? Да и вообще реагируете на нелицеприятные упоминания в прессе?

Я, честно говоря, «хвалу и клевету приемлю равнодушно», причем довольно давно. На меня же, во-первых, не так уж и часто кто-то руку поднимал. Может быть, раз пять за всю мою жизнь. Я выхожу на сцену больше десяти раз в месяц, и вот до той поры, пока я это делаю, мне ничего читать неинтересно. Да и вообще стараюсь «промахивать» некоторые события. Но мне в этом смысле легче, чем многим, потому что очень велика инерция моих ранних успехов. Моя зрительская аудитория довольно велика. Если в стране сто сорок миллионов, то боюсь, что половина, если не больше, — моя (смеется). А это все-таки очень большой запас прочности. **Вы сами ходите в другие театры?**

Хожу. Могу смело сказать, что я держу руку на пульсе. Это дает право себя трезвее оценивать. **Олег Павлович, большинство актеров в предвыпускной период не в состоянии ни на что отвлекаться. А вы даже в это время умудряетесь**

заниматься кучей дел, при этом качество роли не страдает...

Вы знаете, я уже довольно давно живу в таком ритме, и, наверное, до той поры, пока буду понимать, что соответствую кругу своих служебных обязанностей, все будет нормально. Если пойму, что не соответствую, — прекращу выполнять часть из них (*смеется*), то есть откажусь от чего-то. Но вообще-то я не самый выдающийся в этом смысле человек: Юлий Цезарь мог и уметь делать значительно больше. Как говорят, круг его служебных обязанностей (*смеется*) был гораздо шире. **В общем, есть куда стремиться...** А как же! У меня еще есть возможность расти, учиться. Во всяком случае я считаю, что надо время от времени думать о собственном несовершенстве.

Вы успеваете интересоваться даже отчетами по продаже билетов и актерскими зарплатами...

Это тоже мои служебные обязанности. Если вы перечитаете переписку Немировича со Станислав-

ским, то увидите, что и он, и Константин Сергеевич не чурались этого. Просто придуриваться не надо, не надо делать вид, что ты не от мира сего. Это тем более безнравственно, поскольку ты живешь благополучно, а многие под твоим началом — не очень. Не надо забывать, что не хлебом единым, но и не душой единой. И в этом смысле кое-что удастся сделать. Зарплату актеров и «подвала», и МХТ можно сопоставить с заработной платой муниципальных театров Европы. У нас деньги получают не за стаж, не за звания, а за реальный вклад в объем работы истекающего месяца. И для тех, кто много работает и там, и там, это весомая сумма. **Вас часто упрекают в формировании труппы путем переманивания звезд из других театров. И по сей день еще иногда не преминут написать, мол, сериальные артисты неплохи...**

Я никогда никого не переманиваю. И никогда ничего не обещаю. Я зову людей на их места вне зави-

симости от того, состоялись они где-то, много ли снимались... Что касается разговоров о сериальных артистах, чего сейчас, слава богу, практически не стало, так мне кажется, что это мещанство. Это что-то вроде того, что Екатерина Первая была солдатской девкой до того, как стала императрицей. Ну и что? Где вы — и где Екатерина? Это ушербная позиция. Я приглашал актеров Пореченкова и Хабенского. Я смотрел их спектакли, поставленные одним из их педагогов, Юрием Бутусовым. Я звал артистов, которые, как мне кажется, могут быть интересно представлены на этой сцене. И не ошибся. Им есть что здесь делать. Я считаю, что они давно вошли в театральную жизнь Москвы и у них есть в ней свое особое место. Я думаю обо всех актерах этого поколения, которое практически отсутствовало в театре. От-сут-ство-ва-ло!

И продолжаю изыскательскую деятельность отцов-основателей. Понимаете, почему-то они, имея и группу Общества любителей ис-

«Секунды счастья бывают. Ну, а зачем больше-то? Именно потому, что это секунды, ты так остро их помнишь и надеешься, что такое повторится»

Один из самых счастливых дней в жизни Олега Табакова и Марины Зудиной — выписка из роддома с младшей дочерью Марией

кусства под началом Станиславского, и Филармоническое училище Немировича-Данченко, тем не менее выхватывали провинциального актера Леонидова, а в Казани нашли Василия Ивановича Шверубовича (Качалова). Они продолжали коллекционировать таланты все последующее время, добавляли очень разных людей — от Василия Осиповича Топоркова, провинциального актера, моего учителя, до предвоенного обретения Юрия Эрнстовича Кольцова-Розенштрауха, посаженного своими братьями в ГУЛАГ. **Вы никогда не боялись, что вас будут осуждать в связи с тем, что Марина играет много главных ролей и в «Табакерке», и в МХТ?** Это меня не интересует. И никогда не волновало. Даже когда я был

молод. Мне было двадцать семь лет, я был членом правления театра «Современник». И у нас был обычай — обсуждать в конце сезона работы наших товарищей. Артист выходил, о нем говорили, а потом голосовали. Либо он оставался в труппе, либо его переводили в кандидаты, либо вообще отчисляли. И вот, видимо, какой-то отрезок моей жизни раздражал моих товарищей-единомышленников. И они, не имея возможности никак подвергнуть сомнению мое бытие, взяли и перевели в кандидаты Людмилу Ивановну Крылову. Но я всегда это понимал и никогда не оппонировал. Мне это кажется бессмысленным. Я-то знаю, что делаю. И если бы я всерьез верил, что есть кто-то, кто сыграл бы какую-то конкретную роль лучше... Когда не вижу, назначаю Марину.

Марине не очень везло с самого начала. Она лирическая героиня, и мимо нее прошли очень многие роли, которые она должна была бы сыграть: и Луиза из «Коварства и любви», и Нина Заречная... Но это было связано с реальностью того актерского состава, который мы имели в труппе, у нас не было актеров возрастного ценза. Но с ее работы в английском фильме «Немой свидетель» произошел качественный скачок, когда обнаружилось, что Марина Зудина не просто жена Олега Табакова, а актриса Марина Зудина. Бывают работы, которые вдруг всё ставят на место. Хотя вообще все наши заслуги в кино, в театре учитываются достаточно дифференцированно. Театр — это все-таки работа честная: выходит человек — и через полторы минуты он либо интересен зрительному залу, либо нет, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И после той работы просто как из рога изобилия посыпалось: и «Старый квартал», и «Мудрец» («На всякого мудреца довольно простоты»), и «Сублимация» («Сублимация любви»), позже «Антигона», «Последняя жертва», «Дядя Ваня», то есть Марина довольно уверенно заняла свое место лирической героини.

Кстати, знаю не понаслышке, что коллеги Марины по «Табакерке» до сих пор общаются с ней на равных: доверяют секреты, рассказывают анекдоты. Такое далеко не всегда возможно по отношению к жене главного человека в театре.

Мне кажется, что это признак нормального человеческого образа и подобия. Я не могу этим ни восхищаться, ни умиляться, потому что это норма. Не подумайте, что я сравниваю себя со Станиславским, но Лилина, его жена, была одним из деликатнейших и добрейших людей в труппе Художественного театра. Ненормально другое. Мы слишком привыкли к патологии. Это наши вывернутые в другую сторону мозги.

А по каким причинам вы раставались с актером? Хотя это случилось крайне редко...

Прежде всего — нужен человек театру или нет. Это вопрос жесткий, хотя компромисс может быть. Но еще раз говорю: театр — это зона повышенного риска. И изначально я об этом своих учеников предупреждаю: «Вы знаете, куда идете». **Знаю, что вы редко хвалите своих актеров.**

Чаще всего говорю по делу. И обычно, если человек делает то, о чем мы сговариваемся, я воспринимаю это как должное и иду дальше. Хвалить в моем представлении означает, что должен быть повод, не всегда вытекающий из нашей работы. Работа — это нечто рутинное, но мы не можем опуститься ниже

«Театр — это вообще процесс, схожий с возделыванием плодового сада. Тут надо иметь терпение»

определенного уровня. Вот этот уровень и есть наше достоинство. **А если будет взлет намного выше этого уровня?**

Взлет обычно отмечается чрезвычайным одобрением в виде нашей ежегодной премии или еще чего-то или назначением на следующую роль, что есть самый главный факт одобрения. Человек движется дальше, внедряется в структуру театра и еще более внятно закрепляет за собой свое место, свою нишу.

Случалось, что у кого-то из ваших учеников полная реализация или просто реализация происходила не то что не сразу, а лет через десять?

Конечно. Театр — это вообще процесс, схожий с возделыванием плодового сада. Тут надо иметь терпение. Ожидание завтрашнего результата опасно и бессмысленно. И еще к нашей профессии применима одна из моих мыслей, достаточно жестко сформулированная: «Наша сегодняшняя всерьезность подготавливает нашу завтрашнюю ненужность».

А у вас в ожидании входов не заканчивалось терпение? Не случалось разочарований, что вы все-таки ошиблись в человеке?

Это тоже нормально. Ничто человеческое мне не чуждо. Бывают и сомнения, и печали, и горечь от собственных иллюзий. Утрата иллюзий — это вообще болезненный процесс.

Считаете, лучше и в пятьдесят, и в семьдесят лет иметь иллюзии?

Ну, конечно, конечно. Это все равно связано со способностью увлекаться, влюбляться, любить. Если это утратится, потеряется смысл жизни.

При такой нагрузке вы еще не забываете друзей, находите время и на это.

Да, я вообще люблю бывать с друзьями. У меня их немного. И когда я с ними встречаюсь, лучше работаю дня три (улыбается). **Знаю, что среди ваших близких друзей в основном не артисты, а люди совсем иных профессий: врачи, бизнесмены...**

Это просто друзья моей юности, молодости, зрелости. Среди них

есть и люди ученые, например, а с другой стороны, Валька Гафт, которого я знаю вот уже почти пятьдесят лет. Он на самом деле близкий мне человек. Так что по-разному бывает. Но, действительно, я не светский человек, поэтому люди, с которыми я общаюсь, вовсе не обязательно должны входить в ближний круг нашего цеха. Никакой зависимости между моей профессией и кругом моих друзей нет.

У вас и в последние годы друзья появлялись? Ведь с возрастом они приобретаются реже...

Да, реже. Но тем не менее за последние десять-пятнадцать лет я приобрел троих друзей. Это немало. И они рядом.

Это люди какого поколения?

Разных. И почти мои сверстники, и младше. Я думаю, что важно не это. Дело тут прежде всего в... Ну что такое симпатия? Что такое приятие человека?

Когда вы называете человека другом, что вкладываете в это понятие?

Степень доверия, которую этот человек вызывает. Степень прикрытой спины. Отсутствие необходимости изображать что-то. Натуральность и естественность как с одной, так и с другой стороны. Комфортно ли молчать с ним или надо обязательно говорить на какие-то сиюминутные, обыденные темы? Если такого нет, это просто приятельство. А это совсем другое. То, насколько люди живы, насколько они пытаются понять меня или проблемы дня сегодняшнего, определяется глубиной «человеческого колодца». Поэтому один человек может мне быть интересен, а другой уже исчерпан. Для меня главное в общении — сводить к минимуму пошлость. Иначе невозможно. Пошлость — это вообще проблема номер один современного мира, современного общества.

А что, по-вашему, вообще означает пошлость? Это стало таким размытым понятием...

Нет, почему? Если человек наплевательски, презрительно относится к тому, чего не понима-

ет, для меня он — пошляк. Пошлость — это некая защитная стена, которой человек себя окружает либо по необразованности, либо по скудоумию, либо от недостатка способности чувствовать.

В одном из давних интервью вы сказали, что в двадцать девять лет после инфаркта поняли, что центр тяжести нужно перенести с проблем творческих на личные.

Это не совсем точно было написано. Просто, если по-русски сформулировать, суетиться меньше стал. Надо уметь отсекаать от себя что-то. Уметь отталкивать плывущие на тебя фекалии, которые день сегодняшний поставляет в большом количестве. По крайней мере сводить это к минимуму.

В молодости это было сложнее?

Конечно! В молодости мне просто многим приходилось заниматься и в силу любознательности моего характера, и в силу открытости моего нрава. И я не всегда имел мужество сказать «нет». А потом стал учиться этому.

А что вы делали в том случае, когда не могли сказать «нет»?

Скрывался. Просто уходил в подполье, растворялся.

Мне кажется, открытость вам все равно присуща.

Ну, это уже вопрос генетический. Но, думаю, что с годами я стал психологически устойчивее, то есть киль, который позволяет сопротивляться волнам житейского моря, сохранять прямую спину и не гнуться, окреп. Вот это важно.

Способность зарабатывать, наверное, тоже делает мужчину психологически устойчивее. Для вас было бы неприемлемо, если бы жена получала больше, чем вы?

Нет, это неверно. Это не соответствует моим должностным обязанностям по жизни. Наверное, это у меня от отца, потому что он в самых сложных ситуациях, когда было трудно, голодно и холодно, искал работу, придумывал что-то, занимался совершенно несвойственными ему делами, но зарабатывал и приносил в дом. Добытчик! Вот это очень важно для мужчины.

А что не приемлете в женщинах, что вас отталкивает?

Корысть и, конечно, глупость.

Так было и в молодости? Я о женской глупости...

Вот это я всегда исключал из поля зрения (смеется).

Говорят, что творческий человек — всегда увлекающийся. Вы замечаете интересных женщин?

Мне хватает Марины. Ну, а так?

У меня же глаза есть. Даже в мои должностные обязанности входит искать и таланты, и лица, и стать для театра и для школы. И я довольно редко ошибаюсь (улыбается).

Признайтесь, Марину никогда не ревновали?

Нет. У меня в принципе этой черты нет. И в молодости первую жену свою не ревновал. Это опять же, наверное, от отца моего.

Ревность — это что-то от слабости. Это такие хватательные движения, которые мне не очень свойственны.

Вы можете назвать себя счастливым человеком?

Счастье, несчастье... Это такое затертое слово...

Но минуты счастья у вас бывают?

Секунды бывают. Ну, а зачем больше-то? Именно потому, что это секунды, ты так остро их помнишь

Она была его ученицей. Но, по ее словам, он для нее учитель до сих пор, учитель по жизни, потому что познать Табакова до конца и дотянуться до него, стать вровень нельзя

«Важна степень доверия, которую человек вызывает. Натуральность и естественность как с одной, так и с другой стороны»

и надеешься, что такое повторится. А если бы это было по-другому, оно просто дешевле стоило бы.

Как вы сказали, вы не потеряли интереса к жизни; знаю, что и к кухне.

Ко всему, что касается еды, я хорошо отношусь. У меня довольно высокая культура еды (смеется). Для меня еда — это полнота жизни. Это тоже связано с моей возможностью удивляться миру. Если человек не любит вкусно поесть, этостораживает (улыбается). Мне кажется, это нездорово.

Вы ведь и сами умеете готовить...

Да, могу приготовить соус, например. Импровизирую. Мясо

в основном я покупаю. А почему нет? Это нормально. Мужчина должен уметь это делать. Я не отношусь к этому, как к доблести или героизму. Но Марина успевает многое делать сама.

А что вы еще можете сделать дома?

Многое. Стираю свои носки иногда. Утюг могу починить. А вот что касается электричества, лампочек — это уже хуже. Считаю, что это должен делать человек, который умеет. Это не должно носить характер самостоятельности. Я вообще считаю, что в жизни очень важно быть профессионалом.

Знаю, что вы заправский водитель, почти профессионал. И, как мне кажется, азартный...

Во всяком случае очевидно одно: я получаю несомненное удовольствие от вождения. Например, когда устаю и, казалось бы, должен лечь и отдохнуть, сажусь за руль. Вождение машины восстанавливает мои силы. И так было всегда. Я ездил за сто километров на берег Оки в Пушкино, чтобы сниматься. И мне это было в радость. А из дома отдыха Рузы — на свидание с любимым человеком, иногда и в гололед, — а это примерно те же сто километров. Несмотря на то что нередко бил

машину и что она мне какие-то жизненные тяготы устраивала, все же считаю, что водить машину — это веселенькое занятие. Особенно если машина хорошая.

А у вас рано появилась машина? Вы же с юных лет стали кумиром...

Изначально для меня, как для мальчика из малообеспеченной интеллигентной семьи, машина была некоей материализацией недоданных мне в детстве игрушек. И когда в 1967 году я получил Государственную премию, купил себе трубку, табак, зажигалку и... машину. Это была «Волга». Она была тогда самая-самая...

И для того чтобы получить возможность ее купить, секретарь горкома комсомола Валерка Шадрин (сейчас председатель Международной конфедерации театральных союзов) направил в торговую сеть

Москвы человек пятьдесят комсомолок, ну, может быть, двадцать пять. И вот в обмен на это начальник управления торговли Мосгорисполкома дал лауреату Государственной премии и премии Московского комсомола Олегу Табакову возможность купить машину. Машина казалась чем-то нереальным, несопоставимым, несоединимым со мной. У меня ведь не было даже велосипеда. Было колесо, которое я гонял проволокой в виде кочерги, но только изогнутой не в виде буквы Г, а в виде латинской U. И вот когда эта буква U толкала перед собой железное колесо, это и было имитацией машины, которую я и не мечтал водить... А вообще я мог купить машину еще в 1956 году, когда, будучи студентом Школы-студии МХАТ, работал довольно большую по тем

временам сумму в 16 тысяч за свой первый фильм. Это была стоимость новой «Победы». Но я не сделал этого: мне нужно было что-то подарить маме, чтобы она поняла, что я уже могу жить на свои собственные средства. Так что я всегда смотрел на машину «пар дистанс».

Как-то вы рассказывали, что привыкаете к вещам...

Да, я привыкаю к вещам. У меня есть ботинки, которые я ношу уже тридцать лет. И одежная щетка, которая со мной уже шестьдесят лет. Второй муж моей мамы был в длительных командировках в Австрии и Германии и привез оттуда очень удобную немецкую щетку со щетиной, по-моему, из украинских свиной. И она мне по наследству от мамы перешла. Удобные вещи, которые не подводят, сложно бросать. И если тебя не подводила машина, она верный товарищ. Но как еще Пушкин сформулировал: «Прощай, мой товарищ, мой верный слуга. Расстаться настало нам время».

Олег Павлович, в самые напряженные периоды вы тоже ничего не исключаете из жизни?

Нет. Может быть, у меня еще закваска такая. Я ведь довольно рано был научен отвечать не только за себя. Мне было неполных двадцать два года, когда Олег Николаевич Ефремов кооптировал меня в правление — я отвечал за административные вопросы бытия. Надо было прописать себя и Женю Евстигнеева в Москве. А это по тем временам было делом очень непростым, трудноразрешимой проблемой. Наверное, это еще и ритм жизни, привычка. Я сплю шесть часов. Это для меня нормально. Правда, когда играю тяжелый спектакль, обязательно сплю днем еще. Это очень важно, потому что это аккумуляция энергии. Вот мы с вами закончим интервью, и я пойду спать (*смеется*).

Такое ощущение, что у вас в сутках не двадцать четыре часа. Откуда силы-то берете?

Из себя. Это Горький сформулировал про Луку: «Старик живет из себя».

Марина Зельцер